

Дмитрий
Юрьев

РИЗИС запада –
ВОСХОД РОССИИ

 европа

Дмитрий Юрьев

Кризис Запада – восход России

«Европа»

2009

Юрьев Д.

Кризис Запада – восход России / Д. Юрьев — «Европа», 2009

Небольшая, со страстью написанная работа убедительно выражает позицию нового поколения, категорически не согласного с капитулянтством любого розлива – от идеологического и экономического до гламурного предательства культуры. Перефразируя известное выражение, автор показывает, как тот, кто владеет настоящим, меняет прошлое, обращает внимание читателя на ложность устоявшихся мифов, будь то «поражение в холодной войне» или специфическая форма интерпретации реального продолжения обязанностей СССР, принятого на себя Россией, в формулу правопреемства. Давая свою интерпретацию вызовов, стоящих перед отечеством, автор акцентирует внимание на культурных матрицах глобализма и современного ислама, на опасности «цивилизации юзеров», и вместо обычного противопоставления ценностей привносит собственное конструктивное понимание того, что ценностный ряд Запада и России един, тогда как приоритеты внутри этого ряда расставлены совершенно по-разному.

© Юрьев Д., 2009

© Европа, 2009

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	6
Глава I	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Дмитрий Юрьев

Кризис Запада – восход России

Дух мудрит, а деньги велит – таков порядок во всех клонящихся к закату культурах, с тех пор как большой город сделался господином над всем прочим... Капиталистическая экономика опротивела всем до отращения. Возникает надежда на спасение, которое придет откуда-то со стороны...

Освальд Шпенглер. «Закат Европы»

Весна новой России, Христовой Руси, начинает заявлять о себе первой зеленью и цветами. Россия вступает в свою миссию. Россия, без которой нельзя существовать ни Востоку, ни Западу, постепенно выходит на свет.

Св. Николай Сербский (Велимирович). «О Европе»

ВВЕДЕНИЕ

20 апреля 1918 года в свет вышла книга немецкого мыслителя Освальда Шпенглера, которая называлась в оригинале «Der Untergang des Abendlandes». Чтобы избежать тавтологии, русские переводчики использовали перевод «Закат Европы». Между тем сам автор был резко против такого «географического» подхода. Его Abendlandes – «страна заката», «западный мир» – должна была пониматься именно как «Запад» во всемирно-историческом смысле. «Запад» как грандиозная культура, сроки жизни которой Шпенглер исчислил – как бы ни замедляла его «фаустовская», западная душа в предвкушении провозглашенного им скорого заката. Скорого по историческим меркам – «имперское окостенение», разложение и распад западной цивилизации великий визионер отнес к первым двум векам третьего тысячелетия.

Книга, вошедшая в русский и мировой обиход как «Закат Европы», была слишком сложна и огромна для массового прочтения и понимания. Между тем заглавие было достаточно «вкусным» для повсеместного распространения и вхождения во всеобщий политологический обиход. Что там за закат, какая такая гибель ждет «Европу», что должно прийти ей на смену? Бог весть...

Между тем шпенглеровские пророчества были столь же подробны, как и темны и трудны для понимания. Прозревая закатные перспективы родного, любимого, понятного и величественного западного мира, немецкий патриот и прусский националист Шпенглер достаточно внятно предрекал новому тысячелетию перспективу русскую. Вполне объясним поэтому раздраженный казарменный окрик, с которым обратился к памяти «прусака-социалиста» Шпенглера польско-англосаксонский геополитик Збигнев Бжезинский. «То, что есть истинного у... Шпенглера, – воскликнул он в 1976 году, спустя сорок лет после смерти автора „Заката Европы“, – давно уже препарировано наукой и включено в наши культурный кругозор. Остальное, и особенно сценарий будущего, состоит из сплошного фантазерства, и я решительно против того, чтобы мы позволяли всякого рода фантазерству брать нас на буксир и вести по пути, которым мы не желаем идти и наверняка не должны идти».

Но как бы ни заклинал мрачного пророка негодующий русофоб, начало нового тысячелетия стало для России – как и для Запада – временем решительного выяснения отношений с окружающей действительностью.

Потому что великая и такая близкая нам цивилизация Запада больна. Потому что налицо все признаки ее старческого окостенения. Утраты ею связи с реальностью. Экономика Запада превращается в виртуальный шоу, в котором психологические срывы игроков и состояние информационного поля намного важнее, чем развитие «реального сектора» – и в результате мировое хозяйство все в большей степени становится похоже на набор фишек для глобальной игры в «монополию», грандиозные состояния закачиваются в перегретую и совершенно условную цену акций, а устойчивость развития становится заложницей хаотического произвола эмоций и настроений миллионов юзеров, принципиально лишенных возможности осознать экономические и хозяйственные последствия предпринимаемых ими действий. Похожие вещи происходят и в политико-идеологической сфере. Трагедия в том, что подмена рефлексии рефлексом ведет к нарастанию неразрешимых противоречий, взрывающих изнутри западный мир – а значит, и западоцентричную, однополярную на сегодняшний день мировую систему.

Поэтому История ставит Россию перед вызовом, с ответом на который уже нельзя задерживаться. Россия вызов приняла. Отсчет пошел. Отсчет – для России – в любом случае обратный. Многим хотелось бы, чтобы это был финальный отсчет. Скорее всего, этот отсчет – предстартовый.

Потому что, когда «фазовый переход» закончится, мир вступит в новую эпоху. В этой эпохе «русский вопрос» будет решен предельно жестко и однозначно. Либо память об имени России будет выжжена. Либо начнется новая, исполненная русским смыслом жизнь человечества.

Глава I

ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ

В учебники истории – российской и мировой - **8 августа 2008 года** войдет прежде всего как День Независимости России, день окончательного обретения государством по имени Российская Федерация статуса державы, с которой теперь – именно в ее независимом качестве – придется иметь дело всему миру. Потому что сегодняшние страсти вокруг последствий признания Россией независимости бывших непризнанных государств – Южной Осетии и Абхазии – отступают на второй план перед огромным значением того факта, что впервые всерьез поставлен вопрос о статусе самой большой в мире непризнанной государственности – российской.

Без лицемерия

XX век – век манипуляций, лицемерия и управляемого фанатизма. Характеристика Черчилля – «собачья драка под ковром» – применима не только к внутренней политике СССР и других тоталитарных государств середины века, но и к мировой глобально-демократической практике рубежа нового столетия. «Черного и белого не называть», «да и *нет* не говорить» стало незыблемой нормой геополитического этикета.

События **8 августа 2008 года** вокруг Южной Осетии дали первый толчок миру без лицемерия, миру, в который возвращается возможность называть вещи своими именами.

Вся грузино-осетино-абхазская проблематика – это прежде всего история лицемерия и непризнания реальности.

Лицемерием и ложью был Советский Союз – якобы равноправная федерация национальных республик при неформальном первенстве государ-ствообразующей РСФСР. Коммунистический новояз узурпировал историю России и присвоил ее результаты псевдогосударственному образованию, в рамках которого России не существовало.

Потому что РСФСР, в отличие от Грузии, Украины, Туркмении, Молдавии и Карело-Финской ССР, не существовало в политической природе. Упраздненная «великой октябрьской социалистической революцией» *Россия – тюрьма народов* оставалась под запретом в самые «великие отечественные» сталинские годы. Коммунистический режим практически до своего последнего дня играл с русским национальным самосознанием в шулерские игры, отводя русским как народу – и РСФСР как государственному образованию – роль межнационального клейстера, лишённого этнической субъектности. Не случайно в повседневной практике допускалось взаимозамещение слов «русский» и «советский», «СССР» и «Россия». При этом «Великая Русь», которая «сплотила навеки» «союз нерушимый республик свободных», в своем статусе «федеративной республики», лишённой автономного центра управления (в рамках советской системы таким центром мог быть только отдельный – российский – ЦК республиканской партийной организации), превратилась в совместный протекторат-колонию и резервуар материально-экономических ресурсов для всех остальных «союзных республик».

«Черного и белого не называть», «да и нет не говорить» стало незыблемой нормой геополитического этикета

Распад СССР не изменил ситуации: *независимость России в постсоветском мире признана не была*. День **12 июня 1990 года** стал днем первой попытки провозглашения права России на государственный суверенитет. Но ни о какой независимости речи не было – до самого последнего времени. Потому что постсоветская реальность осталась столь же закамуфлированной, как и советская, а приобретение независимости «бывшими советскими республиками» – в отличие от «независимости России» – стало процессом реальным, но *односторон-*

ним. Россию фактически «понудили к миру» на следующих условиях: все советские реальности должны быть сохранены в нерушимости (и прежде всего – ленинско-ста-линские вымышленные административные границы), все обязанности России как ресурсного резервуара в отношении «новых независимых государств» должны беспрекословно выполняться, при этом все права и претензии России – вместе с упраздненным СССР – аннулируются и явочным порядком переводятся в разряд *непризнанных*.

Следует напомнить, что лицемерная практика последних лет существования СССР подменила недвусмысленное понятие «независимость» эвфемизмом «суверенитет». До **августа 1991 года** большинство «союзных республик» – с подачи «республик Советской Прибалтики» – имели обыкновение провозглашать «государственный суверенитет», якобы подразумевающий сохранение единства всесоюзного «общего дома». Августовский путч – самоубийство недееспособного «союзного центра» – положил конец лицемерию парада суверенитетов. «Декларации независимости» последовательно приняли все «бывшие союзные республики» – от прибалтийских лимитрофов с их призрачным, но памятным опытом межвоенной государственности, до таких искусственных порождений сталинской национальной политики, как «Украина». Независимость провозгласили и некоторые будущие «непризнанные государства» из числа бывших «автономий». Единственное территориально-государственное образование на постсоветском пространстве, для которого слово «независимость» осталось табуированным, – это Российская Федерация.

Сохранение выморочного статус-кво непризнанной российской независимости было выгодно многим – и многими обеспечивалось. Наследники несостоятельной союзной номенклатурно-коммунистической элиты в лице КПРФ и «имперских патриотов» препятствовали утверждению российской государственной символики. Наследники региональной коммунистической номенклатуры – руководители «новых независимых государств», опираясь на международный консенсус, отказались признавать за многочисленными этносами, желающими продолжать свою национальную историю в едином организме с русским народом, да и за самим русским народом то самое развязавшее сепаратистам руки ленинское *право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства*. Наследники второго и третьего эшелонов партийно-хозяйственной номенклатуры – компрадоры-«олигархи» – подвели экономическую, политическую и ценностную базу под международный правовой нигилизм «вашингтонского обкома». Да и идеологи нового, путинского, этапа становления российской государственности долго не решались говорить о чем-то большем, чем «суверенная демократия».

Мировому сообществу – впервые после 1917 года – приходится теперь иметь дело с независимым Российским государством

Действия режима Медведева – Путина, предпринятые **8 августа 2008 года**, стали, возможно, запоздалым, вынужденным, но окончательным провозглашением *российской национальной независимости*. Мировому сообществу – впервые после 1917 года – приходится теперь иметь дело с независимым Российским государством. А военные операции российских войск в окрестностях Цхинвала, Гори,

Сенаки и Тбилиси, избавившись от лицемерной маскировки «миротворческой операции», предстали в своем истинном качестве – *войны за независимость России*.

По законам военного времени

На протяжении всей второй половины века США и Запад утверждали, что их борьба ведется не против России, а с агрессивной коммунистической идеологией. Поэтому на «великую джазовую демократию» с надеждой и любовью смотрели стилияги-шестидесятники. Поэтому «джинсовая экономика» казалась поколению фарцовщиков-семидесятников вопло-

щением свободы. Поэтому – и только поэтому – в Америке находили себе пристанище такие русские патриоты, как Солженицын, такие моральные лидеры нации, как отец Александр Шмеман, и такие великие творцы, как Бродский. Геополитическая русофобия никогда – во всяком случае на официальном уровне – не поднималась американцами на щит в качестве официальной внешнеполитической идеологии. Тезис Рональда Рейгана про «империю зла» приветствовался в СССР многими – только потому, что к этому моменту для многих образованных граждан СССР «советская власть» и была воплощением зла, а для русских людей – еще и врагом России. А Рейган – и другие идеологи Запада – выступали будто бы *против коммунизма и за Россию*.

...США и Запад утверждали, что их борьба ведется не против России, а с агрессивной коммунистической идеологией

По такой схеме строилась вся публичная антисоветская риторика официального Запада. По такой схеме – широким охватом – формировались программы пропагандистского вещания «вражбых голосов», которые завлекали советских радиослушателей возможностью услышать лучших русских писателей, художников, музыкантов, мыслителей и священников, изгнанных коммунистами из России «правды ради». По такой схеме значительная часть социально активного «перестроечного» большинства вопреки (а то и благодаря) многолетним антиамериканским и «антиимпериалистическим» стереотипам советских времен стала воспринимать США и Запад в качестве добросовестных союзников советского народа в его борьбе против советской власти.

На рубеже 1990–1991 годов номенклатурно-коммунистический режим в СССР дискредитировал сам себя в глазах людей, нелепо и неумело противопоставил свои корпоративные интересы политическим устремлениям и идеологическим настроениям общества. Любые предупреждения об антироссийском характере западной политики – тем более такие одиозные, как знаменитый доклад Крючкова об «агентах влияния», – не воспринимались всерьез и отменялись, как и вся прочая лживая советская пропаганда обкомовских лекторов (про писателя Солженицына и академика Цу-кермана). Собственно, коммунисты – этот главный антироссийский западный проект XX века – и обеспечили Западу эффективное прикрытие, дали ему возможность подойти максимально близко к цели, до недавнего времени глубоко засекреченной, – к цели геополитического упразднения России как самостоятельной культурно-цивилизационной формы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.